

Глава 20

— С того самого мгновения, как ванъе покинул поместье, ванфэй только и делал, что ждал вашего возвращения...

Ван Сяньхэ во всех подробностях пересказал Жун Чжао, как настойчиво юноша расспрашивал о нём. Ли-ван слушал молча, и выражение его лица было невозможно разгадать. Наконец он двинулся в сторону главных покоев.

Чжу Цзылин уже изнывал от голода. Увидев входящего князя, он просиял и радостно воскликнул:

— Ванъе, вы наконец-то вернулись!

Жун Чжао бросил на него короткий взгляд и, невозмутимо усевшись на своё место, произнёс:

— В следующий раз ванфэй не стоит ждать меня. Ешьте сами, как только проголодаетесь.

Цзылин изумлённо распахнул глаза:

— Как же так?! Мы ведь договорились разделять каждую трапезу! Неужели ванъе собирается нарушить слово?

Жун Чжао промолчал. Он совершенно не помнил, чтобы давал подобное обещание — кажется, юноша просто решил всё сам.

— В будущем, когда ванъе нужно будет отправляться на аудиенцию, обязательно ведите меня будить пораньше! — продолжил Цзылин. — Если бы я знал, что сегодня будет приём во дворце, я бы непременно встал на рассвете, чтобы позавтракать с вами!

Глядя на этот «боевой» настрой, Жун Чжао на мгновение задумался, а затем едва заметно вскинул бровь:

— Чтобы поесть со мной перед дворцовым съездом, ванфэй готов вставать ни свет ни заря. А что же вы будете делать, если мне придётся покинуть столицу по делам?

Чжу Цзылин замер. Его Высочество уедет?

Его мысли тут же перенеслись к императорским выездам: поездки на восток в летние резиденции или прогулки по цветущему Цзяннаню... Разве это не золотой шанс отведать деликатесы других краев?

— Тогда я, конечно же, поеду с вами! — Глаза юноши восторженно заблестели. — Ванъе просто обязан меня взять!

Жун Чжао вновь погрузился в раздумья. Для него отъезд из столицы чаще всего означал тревожные вести с северо-запада и необходимость вести армию в бой. Неужели этот изнеженный молодой господин ради того, чтобы быть рядом с ним, готов терпеть лишения в суровом и холодном пограничье?

Увидев, что князь молчит, Цзылин принял это за согласие и тут же переключил внимание на обед, который слуги начали расставлять на столе. Поскольку он ждал этого момента полдня, еда казалась ему необычайно вкусной. Жун Чжао, которого вчерашние события лишили аппетита, глядя на увлечённо жующего супруга, и сам не заметил, как съел гораздо больше обычного.

Управляющий Ван, наблюдая за ними, не мог нарадоваться. После трапезы он даже решился наставительно шепнуть князю:

— Ванъе, в компании ванфэй ваш аппетит и впрямь стал лучше. Наш господин проявляет к вам такую преданность, что готов ждать вас часами, позабыв о сне. Оцените же это искреннее чувство: если вам случится покинуть столицу, постарайтесь взять его с собой. К тому же так ваше здоровье будет под присмотром.

В конце концов, Цзылин — мужчина, и взять его на фронт куда проще, чем женщину.

— Посмотрим... — уклончиво ответил Жун Чжао.

Пограничье — это край вечных песков и пронизывающего холода. Там вечно не хватает воды, не то что изысканных яств. Сможет ли хрупкий юноша вынести такие муки? К тому же Жун Чжао вовсе не считал, что дело в его присутствии.

«Вздор»

После полудня, занимаясь делами, князь даже не прикоснулся к десерту, присланному из кухни — это были даньгаоцзюань, придуманные Цзылином. За последние дни повара освоили множество новых вариантов: на сей раз рулет был посыпан изюмом и дроблёным грецким орехом.

Раз ванъе не притронулся к угощению, Фан Цзянь без лишних церемоний забрал тарелку себе. Поскольку это принесли из кухни, а не «лично приготовил» ванфэй, Жун Чжао не стал его останавливать.

Советник за эти дни ничуть не пресытился сладостями. Напротив, он впал в настоящую зависимость от нежных десертов. Попробовав кусочек с изюмом, мужчина зажмурился от

почти сказочного блаженства и невольно издал тихий вздох удовлетворения. Но, поймав на себе ледяной взгляд господина, он смутился.

Поедать сладости князя с таким упоением под его взором было верхом бестактности. Фан Цзянь неловко усмехнулся и решил перевести тему:

— По правде говоря, десерты и впрямь недурны. Ванфэй прикладывает немало усилий, чтобы угодить ванье. Жаль только, что вы совершенно не жалуете сладкое. Сколько бы он ни старался, ему не удастся усыпить вашу бдительность подобным образом!

Фан Цзянь полагал, что этим подчеркнул свою верность, но сладость на губах мешала быть до конца искренним, и он добавил:

— Впрочем, придумать такие необычные лакомства дорогого стоит. Рецепты эти редки, вряд ли ванфэй смыслит в чём-то, кроме кулинарии.

Жун Чжао пропустил это замечание мимо ушей и сухо спросил:

— Как продвигается дело с поместьями и лавками ванфэй? Ты отправил людей забрать управление?

— Сегодня же и отправил, они ещё не вернулись, — ответил советник. — Почему ванье спрашивает? Какие в таком пустяковом деле могут быть проблемы? Когда наши люди приходят с дарственными на руках, разве посмеют какие-то лавочники из дома Чжу им перечить?

И действительно, не только управляющие — даже Чжу Цзычжэнь, второй молодой господин поместья министра, затрепетал от страха перед посланниками Ли-вана.

С того дня, как Чжу Цзылин нанёс визит в отчий дом, жизнь Цзычжэня пошла наперекосяк. Смириться со зловещей золотой статуей в собственной комнате было ещё можно — в конце концов, он мог тайно спать в других покоях. Но требование ежемесячно переписывать «Книгу ритуалов» висело над ним дамокловым мечом. Он не смел уклониться: если однажды Жун Чжао решит проверить записи и обнаружит подлог, последствия будут ужасающими. Судьба раненого слуги казалась милосердным исходом по сравнению с гневом князя.

Пребывая в дурном расположении духа, Чжу Цзычжэнь решил развеяться в компании друзей. Однако, когда он пришёл к матери за деньгами, госпожа Ху заявила, что финансы поместья истощены. Она выдала ему лишь жалкие гроши.

Денег хватило лишь на пару встреч. Когда он пришёл за добавкой, мать неожиданно отчитала сына и велела сидеть дома за книгами. Настроение юноши упало окончательно. Как он мог смириться с затворничеством? Привыкший сорить деньгами, он не хотел, чтобы приятели узнали о его нужде. Раз у Ху Юэсинь ничего не вышло выпросить, он решил наведаться в одну

из семейных лавок и взять средства из кассы.

Это была тканевая лавка, дела в которой шли бойко. Чжу Цзычжэнь, прикрываясь именем матери, потребовал бухгалтерские книги и тут же велел управляющему выдать ему три тысячи лянов.

— Три тысячи?! — Лавочник побледнел от ужаса. — Молодой господин, это невозможно... Деньги нельзя трогать до расчётов с хозяином. К тому же это средства на закупку товара. Новая партия прибудет со дня на день, если я отдам их вам, мы не сможем свести баланс!

Юноша нахмурился:

— Тогда две тысячи! Неужели это много? Мне срочно нужно, так что выдавай немедленно. А если будут вопросы — скажешь моей матери, она разберётся.

Управляющий всё ещё колебался, но Цзычжэнь был высокомерен, а госпожа Ху всегда потакала сыну. В итоге старик сдался и отсчитал нужную сумму.

Довольный второй молодой господин уже выходил с пачкой банкнот, когда едва не столкнулся с группой людей. В лавку вошёл суровый мужчина со шрамом между бровей в сопровождении крепких бойцов. Он холодно бросил:

— Кто здесь управляющий? Живо ко мне. Мы из поместья Ли-вана. Отныне эта лавка переходит в ведение нашего ванфэй. Несите книги, мы начинаем проверку.

Чжу Цзычжэнь остолбенел. Лавочник задрожал и пролепетал:

— Господин, пощадите... Но это ведь собственность господина министра Чжу?

Лицо пришельца заледенело:

— Поместье Чжу передало эту лавку нашему ванфэй в качестве приданого. Неужели вы до сих пор не в курсе?

Когда им предъявили дарственную, они поняли, что это чистая правда. Но почему люди Ли-вана пришли забирать собственность Чжу Цзылина?

Управляющий быстро догадался, в чём был план госпожи Ху: отдать лавку на бумаге, не предупредив персонал, чтобы потом годами тянуть время. Но теперь за управлением пришёл не тихий Цзылин, а целая банда цепных псов Жун Чжао...

Сглотнув от страха, лавочник набрался храбрости спросить:

— Если это приданое ванфэй, то почему он сам не пришёл?

Посланник князя гневно сверкнул глазами:

— Что?! Ты хочешь, чтобы ванфэй лично являлся к мелкому лавочнику? Дарственная у нас. Ванье прислал нас помочь супругу взять управление в свои руки. У тебя есть возражения?!

Здоровяки, от которых за версту веяло гарью сражений, шагнули вперёд. У управляющего подкосились ноги. Цзычжэнь и вовсе вжался в стену. Против свирепой славы Жун Чжао не попрёшь. Дрожащими руками старик выложил на стол книги и печати.

— Почему в записях на две тысячи лянов больше, чем в кассе? — внезапно спросил посланник.
— Решили присвоить деньги себе?

Чжу Цзычжэнь похолодел. Лавочник покосился на него и выпалил:

— Второй молодой господин только что забрал две тысячи...

— Вот как? — Посланник ледяным взором впился в Цзычжэня. — Какой-то второй сынок может просто прийти и забрать деньги? С того дня, как лавка стала приданым, она принадлежит нашему ванфэй. Брать отсюда средства втайне — поступок предосудительный, вам не кажется?

Цзычжэнь побледнел как полотно. Еще не согревшиеся в кармане банкноты пришлось вернуть. Люди Ли-вана действовали жёстко: они тут же уволили управляющего и разогнали большую часть работников. Подобные сцены в тот день разыгрались в нескольких местах города.

Уже на следующее утро по столице поползли слухи: Ли-ван самовольно захватил приданое своей супруги. Простые люди лишь судачили об этом, но во дворце новость восприняли иначе.

— Четвёртый даже приданое у жены отбирает? Совсем не знает стыда, — с усмешкой заметил Цзинь-ван своим советникам.

— Похоже, он и впрямь терпеть не может своего мужа, — кивнул советник. — Но то, что он старательно поддерживает этот брак, доказывает: у Ли-вана нет амбиций бороться за трон. Это добрая весть!

Пока Цзинь-ван радовался, Юй-ван мыслил глубже.

— Раз Четвёртый так обходится с ванфэй, тот должен ненавидеть его всей душой, — сказал он императрице Цзян. — Я полагаю, Чжу Цзылина можно использовать. Его отец, министр Чжу, и дед, граф Сяовэнь, могут стать ключом к этому.

Императрица Цзян отпила чаю и сухо произнесла:

— План неплох. Жун Чжао подозрителен, нам всегда было трудно внедрить к нему своих людей. Но не полагайся только на министра — Чжу Цзылин вряд ли питает к нему нежные чувства после такой свадьбы. Сначала устрой встречу, а затем пообещай юноше: если он поможет тебе, то после твоего воцарения ты даруешь ему свободу, право участвовать в экзаменах и вернуться к придворной жизни.

Глаза Юй-вана блеснули:

— Матушка мудра! Я всё понял.

Чжу Цзылин и не подозревал, что в глазах всего мира он превратился в несчастную жертву. Он всё так же привычно развалился на мягкой кушетке, лениво поедая цзаогао и потягивая найча, пока Чжоу Шэн читал ему вслух.

— Ванфэй, неужели вы больше не притронетесь к книгам? — вздохнул слуга, закончив главу.

— К чему мне теперь книги? Я больше не собираюсь сдавать экзамены. Даже если я стану чжуаньюанем, мне всё равно не будут подавать императорские блюда на каждый завтрак.

Чжоу Шэн пал духом. Раньше его молодой господин учился с невероятным усердием.

— Но тогда... вам следовало бы заняться делами поместья, — не унимался слуга.

— А разве сейчас плохо? Зачем мне лишние хлопоты? Я ничего не делаю, а живу в тепле и сытости. Разве это не прекрасно?

Слуга лишился дара речи. Цзылин избавился от гнета Ху Юэсинь, но нельзя же так внезапно превратиться в такого лентяя!

— В твоих словах есть смысл... — Чжу Цзылин задумчиво посмотрел на пустую тарелку. — Что ж, пойдём на кухню. Приготовим что-нибудь новенькое.

За эти дни он порядком пресытился сладостями. Ему нестерпимо захотелось чего-то яркого,

острого и будоражащего вкус. А что может быть более будоражащим, чем огонь специй? Первым делом он подумал о хого, но в Великой Ци ещё не знали перца чили.

Тогда юноша решил приготовить другое блюдо — рыбу, жаренную на железной плите. Когда он пришёл на кухню, Дэн Жун привычно повёл его к сладостям, но Цзылин огорошил его:

— Сегодня будем готовить рыбу.

Ванфэй велел сначала прокалить в масле лук, имбирь, сычуаньский перец и пряности: корицу и бадьян. Отсутствие чили он компенсировал горчицей и кизилом. Затем выбрали упитанного карпа, распластали его, замариновали в вине со специями и отправили на угли.

Когда рыбу начали смазывать пряным маслом, по кухне поплыл дивный аромат. Поджаристая кожа и нежное мясо, смешанные со жгучими специями, буквально кружили голову. В конце её посыпали молотой зирой. К этому моменту у всех присутствующих уже текли слюнки.

Затем Цзылин велел уложить на большой железный поднос сельдерей и соевые ростки, сверху водрузил рыбу и щедро посыпал её хуацзяо и горчицей. А затем велел раскалить ещё одну порцию масла и с громким шипением вылить сверху.

Этот звук «зи-и-и» сопровождался облаком пара, несущим невероятные ароматы. Поднос поставили на маленькую жаровню с углями. Юноша первым подхватил палочками кусочек белого мяса. Вкус превзошёл все ожидания! Даже без чили сочетание сычуаньского перца и горчицы давало эффект взрыва вкуса.

Цзылин съел почти всю рыбку сам, чувствуя себя абсолютно счастливым. Утолив голод, он решил похвастаться достижением перед своим «кормильцем». Он настоял на том, чтобы самому нести поднос, пока Чжоу Шэн нёс следом жаровню.

Услышав доклад слуги, Жун Чжао недовольно нахмурился:

— Что ты сказал? Он что, собирается жарить рыбу в моём кабинете?

— Нет-нет... — слуга испуганно затараторил. — Она уже готова, ванфэй просто принёс жаровню, чтобы она не остыла.

Князь резко поднялся и вышел навстречу гостю. Увидев его, Цзылин радостно воскликнул:

— Ванъе, я принёс вам угощение! Это рыба на железной плите. Давайте скорее пробовать, я поем вместе с вами!

Жун Чжао долго смотрел на него тяжёлым взглядом, а затем ледяным тоном произнёс:

— Переставьте в другую комнату.

Слуги в замешательстве поспешили подготовить соседнее помещение. Цзылин пришёл в себя и, глядя на прямую спину уходящего князя, погрузился в раздумья.

«Оказывается, он соглашается даже на такое... Значит, в тот раз он злился по-настоящему, а сейчас — так, ворчит. Но даже когда злился, всё равно помог. Если прикинуть, у него просто золотой характер. Как же его угораздило прослыть кровожадным тираном? Какая несправедливость...»

Он с сочувствием посмотрел вслед супругу, как вдруг его чувства обострились. Цзылин резко обернулся к кустам у дороги. Оттуда молнией метнулась тень, в руках которой хищно блеснула сталь. Нападавший целил прямо в Жун Чжао.

Юноша только собрался действовать, как князь, тоже почувствовав неладное, резко развернулся. Лицо его вмиг заледенело. Жун Чжао действовал молниеносно: он протянул руку к Цзылину, словно собираясь выбить поднос с рыбой и швырнуть его в убийцу, но в последнее мгновение передумал и просто перехватил лезвие кинжала пальцами.

Князь сжал клинок всего двумя пальцами. Его движение казалось невесомым, однако убийца не смог продвинуться ни на волос. Нападавший хотел было атаковать врукопашную, но Жун Чжао едва заметно шевельнул кистью. Сталь в его руке разлетелась на десятки острейших осколков, которые свистящим роем обрушились на врага, превратив его тело в решето.

Ли-ван нахмурился, и в тот же миг поднялся порыв ветра. Кровь убийцы была прижата к телу — ни единая капля не попала ни на князя, ни на Цзылина, ни на его драгоценную рыбу.

Цзылин в это мгновение не думал ни об обеде, ни о смерти врага. Когда Жун Чжао заслонил его собой, в памяти юноши всплыла точно такая же сцена. Словно вспышка, она озарила его сознание.

Цзылин во все глаза смотрел на Его Высочество. Теперь он точно знал, почему его лицо казалось ему таким знакомым!

<http://bllate.org/book/15829/1434902>